This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

DK191.A6

STANFORD
LIBRARIES

Matériaux inédits pour la biographie. Tome IX.

Новые матеріалы
по біографіи россійскихъ коронованныхъ особъ, составленные
на основаніи заграничныхъ документовъ.

ТОМЪ IX.

АЛЕКСАНДРЪ I

его личность, правленіе и интимная жизнь.

Составилъ Г. И. Алексѣевъ.

ОНДОНЪ
1908.

[redacted]

DK191 .A6

Matériaux inédits pour la biographie. - Tome IX.

Новые матеріалы
по біографіи россійскихъ коронованныхъ особъ, составленные
на основаніи заграничныхъ документовъ.

ТОМЪ IX.

АЛЕКСАНДРЪ I

его личность, правленіе и интимная жизнь.

Составилъ Г. Н. Алексѣевъ.

ЛОНДОНЪ
1908.

Printed in Germany

Среди монарховъ, удостоившихся носить „шапку Мономаха“ Александръ I, или какъ онъ впослѣдствіи царевыми льстецами былъ названъ, „Благословенный“, занимаетъ особое мѣсто. Подъ его царствованіемъ Россія впервые, можно сказать вступила на широкій путь международнаго политическаго общенія, и съ извѣстной точки зрѣнія можетъ быть оправдываемъ взглядъ, неоднократно высказанный въ Западной Европѣ, что „европейскій“ періодъ русской исторіи, начинается, въ сущности съ восшествіемъ на престолъ Александра.

Вина въ томъ, что подъ царствованіемъ Александра Россія была вовлечена въ водоворотъ европейской политики, конечно не можетъ быть приписываема старшему сыну Павла. Весь европейскій Западъ при восшествіи его на престолъ переживалъ историческій періодъ переоцѣнки всѣхъ считавшихся доселѣ незыблимыхъ политическихъ началъ. Скромный корсиканскій офицеръ, Бонапарте, гигантскими шагами приближался къ зениту своей славы и власти. Вся

ня политическихъ принциповъ французской ве-
революціи. Представлялась, конечно возможность,
въ періодъ борьбы за и противъ идей фран-
й революціи, наши тогда руководящія сферы
ись въ сторонѣ и только издали наблюдали за
й международной борьбой на Западѣ. Трудно
ложить, чтобы въ Россіи начала 19-го столѣтія,
эти могли бы настолько революціонировать на-
что явленіе это могло бы, съ точки зрѣнія пра-
й, разрастись до фактора, серіозно угрожающаго
и и спокойствію Имперіи. Съ этой точки зрѣ-
сякое вмѣшательство Россіи въ междуусобную
иностранныхъ государствъ съ Франціей и ея
ками была совершенно излишня. Необходимо
ло, опять таки, конечно, съ точки зрѣнія этихъ
и въ интересахъ престижа монархическаго, и
ъ легитимистическаго, начала, и въ связи съ
и въ интересахъ той касты, которая существуетъ
ко можетъ существовать въ абсолютно управ-
й странѣ, и въ особенности въ странѣ, въ кото
бсолютизмъ отличался такой крайностью и по

Время, въ которое Александръ былъ призванъ править Россіей, было такимъ образомъ чрезвычайно важное и серіозное. Волей судебъ, и именно судебъ, какимъ мы увидимъ ниже, а не самого вѣнценосца, Россія въ теченіи довольно долгаго и важнаго времени была призвана играть выдающую и даже руководящую въ международной политикѣ роль. Насколько Александръ воспользовался и насколько онъ, благодаря своимъ личнымъ качествамъ былъ въ состояніи воспользоваться представившимся ему благопріятнымъ положеніемъ для управляемаго имъ государства, въ смыслѣ укрѣпленія его вліянія среди европейскихъ державъ, а также въ смыслѣ культурнаго и политическаго подъема управляемыхъ имъ народовъ, мы постараемся изложить въ слѣдующихъ строкахъ, развернувъ передъ читателями, главнымъ образомъ, внутреннюю, такъ сказать, интимную сторону жизни и духовнаго развитія старшаго сына Павла, стоявшаго во главѣ управляемаго имъ государства 24 года, вошедшаго на престолъ вслѣдствіе трагической кончины отца своего, и уступившаго державу россійскую также при обстоятельствахъ, по настоящій моментъ еще окончательно не выясненныхъ.

Александръ родился 12 декабря 1777 года. Онъ былъ сыномъ Павла отъ втораго брака съ вюртембергской принцессой Маріей Феодоровной. Наиболѣе выдающійся историкъ Россіи этого времени, Шиль-

ны, получилъ хорошее воспитаніе; онъ былъ
нъ очень заботливо, но не хорошо, и не хорошо
потому, что слишкомъ заботливо. Вскорѣ послѣ
ія бабушка, которая считала себя большой пе-
нкой, оторвала внука отъ матери, чтобы воспи-
го по правиламъ тогдашней философской педа-
, т. е. „по законамъ разума и въ принципѣ
ѣтели.“ Тогда „Эмиль“ Руссо считался ходя-
учебникомъ такой педагогіи; этотъ учебникъ
залъ, чтобы воспитаніе давалось человѣку крѣп-
закаливавшее противъ всѣхъ житейскихъ и фи-
кихъ невзгодъ; согласно съ этимъ Екатерина
тила маленькаго внука въ комнатѣ Зимняго
а, обращенной окнами къ Адмиралтейству, чтобы
ѣе пріучить ухо его къ пушечнымъ выстрѣламъ;
уховой нервъ ребенка не вынесъ преждевремен-
закала, и великій князь на всю жизнь остался
на одно ухо. Когда внукъ сталъ подрастать, он
вила планъ воспитанія, по обычаю своему до
о полными пригоршнями зачерпнувъ правил
ельномъ переводѣ изъ сочиненій Локка. Вмѣст

идей, „ходячая и говорливая французская книжка“. Учить великаго князя русскому языку призванъ былъ Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, очень почтенный и образованный человѣкъ и очень недурный писатель въ либерально-комическомъ и сантиментально-дидактическомъ направленіи. Наконецъ, общій надзоръ за воспитаніемъ порученъ былъ графу Салтыкову, одному изъ вельможъ Екатерининской школы, который зналъ твердо только одно, какъ жить при дворѣ, дѣлалъ, что скажетъ жена, и подписывалъ, что подастъ секретарь; впрочемъ его партитура въ этомъ педагогическомъ оркестрѣ состояла въ томъ, чтобы предохранять великаго князя отъ сквознаго вѣтра и засоренія желудка. Лагарпъ, по его собственному признанію, принялся за свою задачу очень серіозно какъ человѣкъ, сознающій свою обязанность передъ великимъ народомъ. Онъ началъ читать съ великими князьями, съ Александромъ и Константиномъ, которые ему были поручены, латинскихъ и греческихъ классиковъ, Демосфена, Плутарха, Тацита; англійскихъ и французскихъ историковъ, философовъ и публицистовъ: Локка, Гиббона, Руссо, Мабли и т. д. Во всемъ, что онъ говорилъ и читалъ питомцамъ, шла рѣчь о человѣческомъ разумѣ, о человѣческомъ благѣ, о происхожденіи общества, о равенствѣ людей, о справедливости и настойчивѣе всего о свободѣ человѣка, о нелѣпости и вредѣ деспотизма, о гнусности рабства и т. д. Добрый и умный

ставляя переводить все тѣхъ же [illegible],
и т. д. Все это говорилось и читалось
одержцу россійскому въ возрастѣ отъ
, т. е. довольно преждевременно. Въ
а люди живутъ непосредственно впеча-
стинктами, отвлеченныя идеи превраща-
въ политическіе образы, моральные прин-
ства; преподаваніе Лагарпа и Муравьева
реальныхъ знаній, ни логической дрес-
не вводило въ историческую дѣйстви-
не могло еще серіозно возбуждать и па-
сли; высокія идеи въ умѣ двѣнадцати-
тика и моралиста отлагались какъ поли-
моральная сказка, наполнявшая дѣтское
недѣтскими образами и волновавшая его
ще очень зрѣлыми чувствами. Если мы
ъ этому графа Салтыкова съ его доморо-
сомъ придворной гигіены и придворныхъ
легко замѣтить, какой пробѣлъ оказался
и великаго князя; „его учили, какъ чув-
акъ держать себя, но не учили, какъ
йствовать, ему не задавали ни житей-
учныхъ вопросовъ, которые бы онъ раз-

догматы, непререкаемыя истины, которыхъ не нужно; оставалось только прочувствовать и затвердить; его не заставляли ломать голову, его не воспитывали, а какъ сухую губку пропитывали дистиллированной и общечеловѣческой моралью, насыщали лакомствами европейской мысли. Великій князь не познакомился со школьнымъ трудомъ, съ его миньятюрными горями и радостями; онъ не видалъ борьбы школьника съ учебникомъ, не испыталъ побѣдъ на холодныхъ поляхъ ученическихъ тетрадей, тѣхъ побѣдъ и пораженій, которыя, можетъ быть, одни только и даютъ школѣ серіозное воспитательное значеніе. Александръ очень много читалъ, еще больше слушалъ, но онъ мало учился!" Изъ записокъ второстепенныхъ русскихъ учителей мы часто видимъ горькія жалобы на его праздность, медленность и лѣнь, нелюбовь его къ т. н. упражненіямъ. Когда великій князь подросъ настолько, чтобы понимать, а не чувствовать лишь возвышенные уроки Лагарпа, онъ искренно привязался къ идеалисту-республиканцу и сталъ слушать его съ наслажденіемъ, только то былъ художественный эмоціонъ, а не умственная работа. Благодаря преподаванію Лагарпа и Муравьева легко понять, какой обильный пріемъ политическихъ и нравственныхъ иддилій данъ былъ великому князю. Эта идиллія подѣйствовала на его вкусы; великій князь сталъ рано думать о сельскомъ уединеніи, не могъ безъ восторга пройти мимо поле-

вого цвѣтка, крестьянской избы и т. п.; онъ рано привыкъ скользить по житейскимъ явленіямъ легкимъ взглядомъ того человѣка, для котораго жизнь — пріятное препровожденіе, а міръ обширный кабинетъ для эстетическихъ и политическихъ наслажденій. Съ лѣтами все это измѣнилоеь. Случилось такъ, что этотъ обширный и полезный процессъ въ Александрѣ былъ прерванъ. Зная по опыту, какъ добродѣтель таетъ легко подъ палящими лучами страсти, императрица Екатерина поспѣшила застраховать своего внука, женивъ его въ 1798 г., когда ему не исполнилось еще 21 годл; для этого была призвана Баденская принцесса Елизавета Алексѣевна. Каковъ бы ни былъ взлядъ на бракъ, но правъ Фонвизинскій недоросль, сказавъ, что женитьба или замужество — конецъ ученію. Теперь для Александра пошли другіе интересы, началось другое развитіе, непохожее на прежнее юношеское. Греція и Римъ, республика, свобода, равенство, какое же мѣсто, спрашивается, въ этомъ калейдоскопѣ героическихъ образовъ и политическихъ идеаловъ занимаетъ Россія со своимъ невзрачнымъ прошедшимъ, съ неограниченной монархіей, съ крѣпостнымъ правомъ и т. п. о обенностями политическими и соціальными; какъ въ головѣ великаго князя родная дѣйствительность могла укладываться съ тѣмъ, что проповѣдовалъ гувернеръ-республиканецъ? Очень просто: ее, эту дѣйствительность, признавали какъ

фактъ низшаго разбора, какъ стихійное неразумное явленіе, признавали ее и игнорировали, т. е. ничего объ ней больше знать не хотѣли. Лагарпъ въ этомъ отношеніи поступалъ съ великимъ княземъ какъ въ былое время поступала гувернантка съ дѣвушкой. Воспитательница, дѣвица не первой молодости, нарисуетъ, бывало, воспитанницѣ очаровательный міръ благовоспитанныхъ людскихъ отношеній, основанныхъ на правилахъ строгой морали, строжайшей вѣжливости, въ которомъ даже показать кончикъ носка изъ подъ платья грѣхъ — и вдругъ обѣ дѣвы тутъ же въ домѣ налетаютъ на натуральную сцену: юная устремитъ на старую изумленный и сконфуженный взглядъ, а та успокоитъ ее и скажетъ: „ничего, иди къ себѣ". Лагарпъ осторожно обходилъ больныя мѣста русскаго государственнаго и общественнаго порядка, а впослѣдствіи онъ совѣтовалъ питомцу и не лѣчить ихъ. Съ грузомъ античнаго образованія и самоновѣйшихъ политическихъ идей, Александръ вступилъ въ дѣйствительную жизнь. Она встрѣтила его не то, чтобы сурово, а какъ то безсмысленно. Бабушкинъ внукъ онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и сыномъ своего отца и сталъ въ очень неловкое положеніе между отцомъ и бабушкой; то были два двора, два особые міра; нравственное разстояніе между ними было несравненно шире географическаго. Каждую пятницу старшіе великіе князья, Александръ и Константинъ, должны были

отправляться въ Гатчину; по субботамъ бывалъ парадъ, Гатчинскій вахтъ-парадъ, слѣдовательно не шутка. Старшій великій князь былъ командиромъ втораго батальона, младшій третьяго, вечеромъ они возвращались въ Петербургъ. Въ Гатчинѣ Александръ слушалъ жестокую команду, суровыя слова, непріятные казарменные жесты и размахиванья; а вечеромъ, возвратясь въ Петербургъ, попадалъ въ салонъ Екатерины, въ тѣ залы Зимняго Дворца, которыя назывались Эрмитажемъ, уединеніемъ, и гдѣ императрица проводила вечера въ избранномъ обществѣ; здѣсь шли толки о самыхъ важныхъ политическихъ предметахъ, велись самыя остроумныя бесѣды, шутились самыя изящныя шутки, смотрѣлись самыя отборныя французскія пьесы, а грѣшныя дѣла и чувства облекались въ самыя опрятныя прикрытія.

Вращаясь между двумя столь непохожими дворами, Александръ долженъ былъ жить на два ума, держать двѣ парадныя физіономіи, кромѣ ежедневной-домашней. Какая школа для выработки на тянутости, осторожности, скрытности, неискренности и какъ мало она была похожа на школу Лагарпа и Муравьева . . .

Со смертью Екатерины кончилась двухсмысленная жизнь; она замѣнилась однообразными, но очень суровыми тревогами; эти тревоги происходили изъ старинныхъ отношеній отца къ сыну; отецъ рано сталъ

питать недовѣріе къ сыну, рано отъ него оторванному; сынъ сталъ рано питать нѣкоторое недовѣріе къ отцу. Оба они были неправы и оба не были виноваты. Съ воцареніемъ Павла, Александръ назначенъ былъ на постъ военнаго губернатора въ Петербургѣ и командиромъ расположенныхъ въ округѣ войскъ; онъ долженъ былъ испытывать ежедневныя тревоги, трепетать вмѣстѣ съ обществомъ передъ новыми замыслами государя. Эти тревоги среди которыхъ завязалась популярность великаго князя, надолго набросила тѣнь на его настроеніе. Надо признаться, что Александръ шелъ къ престолу не особенно гладкой и ровной дорогой; съ пеленокъ надъ нимъ перепробовали немало мудренныхъ и причудливыхъ воспитательныхъ экспериментовъ; его не во время оторвали отъ матери для опытовъ разной естественной педагогіи; ни въ бабушкиномъ салонѣ, ни на отцовскомъ вахтпарадѣ, ни въ Лагарповской аудиторіи его не выучили какъ слѣдуетъ родному языку; современники свидѣтельствуютъ, что Александръ до конца жизни не могъ вести по русски разговора о какомъ нибудь сложномъ предметѣ. Такъ воспитывался великій князь и съ такимъ запасомъ понятій, чувствъ и наблюденій онъ вступилъ на престолъ. Давно уже у него сложился политическій идеалъ, который онъ высказывалъ въ бесѣдѣ съ рѣдкими людьми, къ которымъ относился откровенно; къ числу ихъ принадлежалъ молодой образованный полякъ

окружающемъ обществѣ единственнаго чело-
едъ которымъ онъ могъ открыться, кажется
вынести изъ души все, что тамъ лежало;
ыто признавался, что ненавидитъ деспотизмъ,
ъ бы формахъ онъ не проявлялся и слѣдилъ
мъ участіемъ за ходомъ французской рево-
рожденіемъ французской республики и желалъ
о успѣха; онъ высказывалъ также, что счи-
ѣдственную власть нелѣпымъ учрежденіемъ,
ъ лица, носителя верховной власти, долженъ
кать не рожденію, а голосу націи, которая
беретъ лучшаго управителя.

тимъ идеаломъ онъ вступилъ на престолъ
овые онъ вѣроятно долженъ былъ встрѣтаться
й дѣйствительностью; прежде онъ зналъ либо
ибо казарму. Такимъ образомъ онъ долженъ
увствовать страшную пропасть между его
ми любимыми идеями и между столь же
ми, хотя и нелюбимыми фактами русской
тсюда изъ такого воспитанія онъ вынесъ
ный недостатокъ: отсутствіе чутья дѣйстви-
практическаго глазомѣра; это чутье и гла-

но искусственные, пробовалъ грязь, но дѣланную; онъ зналъ грязь салона, грязь казармы, но не знакомъ былъ съ той житейской грязью, на которую обрекъ человѣка самъ Создатель, сказавъ: „въ потѣ лица добывай хлѣбъ свой". Онъ не вынесъ ни привычки, ни любви къ процессу труда; отсюда идиллическій взглядъ на ходъ людскихъ дѣлъ; онъ вступилъ на престолъ съ истиннымъ желанія добра всѣмъ людямъ и онъ былъ увѣренъ, что достаточно пожелать добра, чтобы осчастливить людей, что благоденствіе водворится среди людей какъ то вдругъ и притомъ не будетъ сопровождаться ни напряженіемъ, ни стѣсненіемъ для личной власти Александра; свобода какъ то водворится безъ всякой потери для власти, власть какъ бы устоитъ безъ всякой потери для свободы; однимъ словомъ то была политическая идиллія. Практическій человѣкъ никогда не задаетъ жизни широкихъ задачъ, зная, что не въ силахъ разрѣшить ихъ, но онъ никогда не пугается передъ препятствіями, какія ставитъ жизнь. У Александра не было знанія ни того, ни другого; онъ вступилъ въ правительственную дѣятельность съ слишкомъ широкими мечтами, но при встрѣчѣ съ первыми препятствіями пугался, думалъ, что ошибался, онъ не зналъ ни степени опасности враговъ, ни степени силы препятствій; его первыя попытки обыкновенно охлаждались; неудачи вызывали въ Александрѣ досаду, но досаду не на себя, а на

жизнь и на людей. Нерѣшительность, происходившая отъ испуга передъ препятствіями, сопровождалась уныніемъ, наклонностью опускать руки, легкой утомляемостью, еще прежде труда, онъ уже пугался затрудненій, смотрѣлъ уже на конецъ, а если конецъ не былъ близокъ, готовъ былъ чувствовать себя утомленнымъ. Это обычное свойство незнакомыхъ съ жизнью людей.

Изобиліе чувства и воображеніе при недостаточномъ развитіи воли — все это соединилось въ настроеніе, въ какое попалъ Александръ съ 1815 года, и которое около того же времени получило названіе разочарованія; проще говоря, это нравственное уныніе. Благодаря тому Александръ охладѣлъ къ задачамъ внутренней политики; русская жизнь, которой онъ не зналъ стала казаться ему неподготовленной; съ 1815 г. стала даже обнаруживаться чрезвычайно раздражительное, даже скептическое отношеніе ко всѣму русскому. Какъ скоро онъ сталъ въ такое отношеніе ко всѣму родному, его идеи должны былы переселиться въ Польшу и даже дальше заграницу. Во вторую половину царствованія Александръ жилъ умомъ и сердцемъ по ту сторону Вислы. Но какъ скоро эти идеалы переселились на другую почву, можетъ быть ему болѣе родственную по происхожденію, они должны были измѣниться. Первая молодость прошла, силы были утомлены, юношескій порывъ охлажденъ, фран-

цузское свободомысліе стихло, смѣнившись религіознымъ настроеніемъ, но особаго также романическаго свойства, безъ той суровой догматики и дисциплины, какую даетъ церковь. Такимъ образомъ, прежняя русско-политическая идиллія превратилась въ мирно-религіозную; эта то идиллія и выразилась на фактѣ священнаго союза, въ попыткѣ построить въ борьбѣ европейскихъ силъ международную политику на заповѣди Евангелія, на правилахъ морали, на тѣхъ правилахъ, одно изъ которыхъ гласитъ: „если кто ударитъ тебя по щекѣ, подставь ему другую". Легко понять, что было бы, если бы это правило было проведено въ жизнь государства.

Таковъ былъ ходъ идей и чувствъ въ Александрѣ; эти идеи и чувства сказали рѣшительное дѣйствіе на его политику. Александръ былъ прекрасный цвѣтокъ, но тепличный, не успѣвшій акклиматизироваться, онъ роскошно цвѣлъ при хорошей погодѣ, наполняя окружающую среду благоуханіемъ, но когда подула буря, настало столь обычное русское ненастье; этотъ цвѣтокъ завялъ и опустился. Эта исторія внутренней, нравственной жизни повторилась и въ политической дѣятельности Александра, къ каковой мы теперь переходимъ.

Безумнымъ восторгомъ было втрѣчено вступленіе на престолъ Александра со стороны петербургскаго общества, которое объясняется нездоровымъ состоя-

ніемъ его въ предшествовавшее царствованіе. Восторгъ этотъ по донесеніямъ тогдашнихъ иностранныхъ пословъ въ Петербургѣ выражался отчасти въ очень комичныхъ формахъ. На улицахъ столицы появлялись запрещенные костюми, высокіе сапоги съ отворотами, упряжь, экипажи и т. д. Зубовъ на другой вечеръ по смерти императора Павла устроилъ въ своемъ домѣ попойку, на которую явился во всемъ запрещенномъ, во фракѣ, въ жилетѣ изъ трехцвѣтной матеріи и т. п. и началъ метать банкъ, недавно запрещенный. Понятно, какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести новый императоръ на столь взволнованное общество; это было нѣчто еще не виданное въ Россіи. Молодой государь, которому только что пошелъ 24-ый годъ, являлся на улицахъ столицы безъ свиты, не носилъ никакихъ украшеній, даже часовъ, при встрѣчѣ съ подданными довольствовался только поклонами, жилъ очень скромно, впередъ назначая себѣ извѣстную сумму денегъ, и если расходовалъ ее, жилъ въ долгъ. Съ первыхъ минутъ царствованія онъ спѣшилъ рѣзко заявить свою программу, направленіе дѣятельности; на это направленіе указывалъ уже манифестъ 12 го марта о вступленіи на престолъ. Въ манифестѣ было заявлено, что новый императоръ будетъ управлять „Богомъ порученнымъ престоломъ и народомъ по законамъ и по сердцу своей великой бабки"; а имя Екатерины еще оставалось символомъ либеральныхъ

и гуманныхъ идей. Это направленіе заявлено было цѣлымъ потокомъ новыхъ указовъ, полившимся съ первыхъ дней новаго царствованія. Всѣ эти указы были направлены въ одну сторону, всѣ они торопливо заметали слѣды, оставленные прошедшимъ царствованіемъ, каждый изъ нихъ отмѣняетъ какое нибудь стѣсненіе, заглаживаетъ память о какомъ нибудь насиліи. Трудно даже перечислить рядъ этихъ указовъ изданныхъ въ первые 3—4 мѣсяца царствованія; приведемъ главные изъ нихъ, чтобы показать характеръ новаго правительства. Возстановлена была жалованная грамота городамъ и дворянамъ; возвращены права военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ, лишившимся ихъ по приговору военнаго суда или по указу въ минувшее царствованіе; такихъ чиновниковъ, оставленныхъ съ лишеніемъ правъ, безъ возможности воротиться на службу, было свыше десяти тысячъ; разрѣшенъ былъ свободный выѣздъ русскихъ людей въ чужіе края, какъ и въѣздъ иностранцевъ въ Россію; открыты частныя типографіи, разрѣшенъ свободный вывозъ русскихъ произведеній заграницу. Тайная Экспедиція, т. е. тайная полиція, учрежденная Екатериной была закрыта, наконецъ, строжайше запрещена пытка, которая несмотря на запрещеніе ее въ прошедшее царствованіе, еще практиковалась въ тогдашнихъ русскихъ судахъ: мелочныя стѣсненія, касавшіяся частныхъ отношеній домашняго быта пали сами

собой безъ особыхъ указовъ. Въ личныхъ бесѣдахъ, какъ въ письмахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были тогда напечатаны, императоръ также ясно выражалъ свою программу или цѣль, какую онъ поставилъ для своей дѣятельности, цѣль эта состояла во водвореніи строгаго закона на мѣсто царившаго прежде произвола. Эта мысль высказана была довольно рѣзко въ отвѣтѣ, какой далъ императоръ на просьбу княгини Голицыной, о чемъ то недозволенномъ закономъ. Въ просьбѣ было заявлено, что государь выше закона, императоръ отвѣтилъ, что онъ не признаетъ на землѣ никакой власти, которая не вытекаетъ изъ закона. Согласно съ заявленнымъ направленіемъ, государя окружали люди, которые могли вести дѣла въ этомъ направленіи; то были все представители образованнаго дворянства, стоявшіе на высотѣ идей своего времени. Эти люди, давно уже знакомые Александру, разбросанные по разнымъ мѣстамъ въ царствованіе Павла, теперь призваны помогать новому государю; это были Новосильцевъ, графъ Кочубей, графъ Строгановъ и полякъ князь Адамъ Чарторійскій. Это были сыновья образованныхъ вельможъ, блиставшихъ при дворѣ Екатерины: Кочубей былъ племянникъ Безбородко, Строгановъ сынъ того Строганова, который былъ вліятельнымъ лицомъ при Екатеринѣ, Новосильцевъ его близкій родственникъ. Все это былъ народъ, воспитанный въ томъ же самомъ духѣ, въ какомъ воспи-

танъ былъ самъ государь; учителемъ Строганова, напр. былъ французъ Роскъ, республиканецъ, дѣйствовавшій при конвентѣ и создавшій извѣстный республиканскій календарь. У этихъ людей былъ одинъ политическій идеалъ — это государственное устройство Англіи, съ которымъ успѣли близко познакомиться Кочубей и Новосильцевъ, живя въ той странѣ. Они и составили тѣсный кружокъ, съ которымъ новый императоръ началъ тяжелую преобразовательную работу. Не занимая сначала никакого оффиціальнаго положенія, эти люди собирались по вечерамъ въ кабинетѣ Александра и здѣсь обсуждали преобразовательныя мѣры; учрежденія и законы, которыми ознаменовались первые годы царствованія, всѣ были выработаны въ этомъ тѣсномъ кружкѣ, въ этомъ неоффиціалвномъ комитетѣ, надъ которымъ очень много смѣялись въ тогдашнемъ петербургскомъ обществѣ. Самъ государь въ шутку давалъ ему республиканское названіе, звалъ его „Комитетомъ Общественнаго Блага". Въ этомъ неоффиціальномъ комитетѣ съ поспѣшностью, понятной при тогдашнемъ настроеніи Александра и были затронуты одновременно самые разнообразные политическіе вопросы: о реформахъ управленія, о перестройкѣ соціальныхъ отношеній, о распространеніи просвѣщенія, о составленіи новаго кодекса и т. д. Прежде всего занялись устройствомъ управленія, именно центральнаго. Какъ мы знаемъ, центральное управленіе оста-

ы; это царствованіе еще болѣе его разстрой
центрѣ дѣла вели коллегіи подъ руководство
ата — законодательнаго, судебнаго и наблюдающ
ежденія; при Сенатѣ дѣйствовалъ со значеніе
стителя закона и представителя дйствующей вла
ералъ-прокуроръ. Сенатъ и коллегіи постепе
ли свое первоначальное значеніе въ продолже
III в. благодаря господству лицъ надъ учрежденія
аконами. Генералъ-прокуроръ велъ всѣ дѣла в
нней политики; за Сенатомъ и коллегіями остал
ущія дѣла. Всѣ важные вопросы законодательн
йства разсматривались въ тѣсномъ кружкѣ, ко
й составился изъ лицъ, призванныхъ къ тому
атрицей. Благодаря этому господству лицъ, Сен
коллегіи превратились въ послушныя орудія лич
и. Надо было создать стройный механизмъ высш
трального управленія, основанный на точных
рдыхъ законахъ. Такова была первая задача, к
орой работалъ неоффиціальный комитетъ. С
іемъ этихъ первыхъ работъ была первая поп
ройства центральнаго управленія; она вырази
ежде всего въ новомъ законодательномъ учрежде
имъ сталъ непремѣнный государственный сов
отъ совѣтъ, составившійся изъ 12 членовъ
е названіе высшаго законодательнаго м

Учрежденіе законодательнаго совѣта должно было измѣнить прежнее значеніе Сената; теперь Сенатъ былъ преобразованъ, онъ сталъ высшей судебной инстанціей и учрежденіемъ, руководящимъ всѣмъ управленіемъ; Сенату принадлежалъ контроль надъ всѣми подчиненными мѣстами и наблюденіе за государственными доходами и расходами. Отдѣльныя отрасли администраціи распредѣлены были теперь между министерствами, которыя замѣнили старыя коллегіи; эти министерства указомъ 1802 г. учреждено было 8: между ними мы видимъ новое вѣдомство, которое не существовало въ русской центральной администраціи XVIII в. — министерство народнаго просвѣщенія.

При введеніи всѣхъ этихъ реформъ естественно долженъ былъ возникнуть вопросъ, составлявшій тогда больное мѣсто въ нашемъ общественномъ порядкѣ: мы говоримъ о крѣпостномъ правѣ. Императоръ вступилъ на престолъ съ твердымъ намѣреніемъ такъ или иначе развязать это дѣло; на первое время онъ ограничился мыслью о необходимости опредѣленія закономъ повинностей крестьянъ въ пользу землевладѣльца. Лагарпъ, какъ и практическіе тогдашніе дѣятели администраціи, пугались радикальнаго рѣшенія крѣпостнаго вопроса; самъ Новосильцевъ, старшій изъ названныхъ сотрудниковъ Александра, былъ того мнѣнія, что къ этому дѣлу необходимо подойти исподволь, и вести его съ большой постепенностью, съ большой осторож-

о и рѣшительно. Кочубей, напр., на засѣда
ціальнаго комитета, высказалъ мнѣніе, что по
енное и медленное веденіе дѣла только распро
нить агитацію въ помѣщичьей средѣ, что всег
ше разомъ развязать узелъ. Чарторійскій и Стро
овъ были того же мнѣнія. Чарторійскій напр.
орилъ, что крѣпостное право такъ ужасно само п
ь, что ни передъ чѣмъ не слѣдуетъ остановиться
бы уничтожить его и эти толки выразились вт
омъ рядѣ законовъ, произведшихъ сильное впе
лѣніе на дворянское общество. Самый интересны
ь законовъ о крестьянахъ несомнѣнно изданный 26-г
враля 1803 г., такъ наз. законъ о вольныхъ хлѣбо
пцахъ. Законъ этотъ предоставлялъ землевладѣл
мъ право отпускать на волю своихъ крестьянъ ц
ми обществами или отдѣльными семействами с
лей, на условіяхъ, на которыхъ согласятся о
роны, т. е. по добровольному соглашенію; выше
е на волю такимъ образомъ крестьяне не прич
лись къ государственнымъ крестьянамъ, но сост
ли особый классъ вольныхъ хлѣбопашцевъ. Зако
-го февраля былъ первымъ рѣшительнымъ прис
мъ къ разрѣшенію крѣпостного вопроса; онъ вмѣ
тѣмъ показалъ дворянскому обществу, что раз

новаться это общество, такъ неожиданно почуявъ приближеніе развязки, которой оно боялось уже въ XVIII в.

Таковы были преобразовательныя работы первыхъ лѣтъ царствованія Александра; онѣ страдали многими недостатками, прежде всего онѣ были торопливы; новыя учрежденія, новые законы недостаточно обдумывались, плохо разрабатывались и очень мало сообразовались между собой. Это понятно, если обратить вниманіе на характеръ вождей этого новаго движенія, на государя и его сотрудниковъ. Все это были люди вооруженные обильнымъ запасомъ либеральныхъ идей, но обладавшіе слабымъ знакомствомъ съ этой дѣйствительностью, въ которую они призваны были внести новыя начала.

Преобразовательныя работы были прерваны на полудорогѣ внѣшними событіями: какъ извѣстно, въ 1805/6 г. Александръ долженъ былъ вступить въ коалицію противъ Наполеона. Въ обѣихъ войнахъ, веденныхъ въ союзѣ съ Австріей и Пруссіей, русская армія потерпѣла пораженія. Это были первые практическіе опыты для Александра; они впервые ознакомили его съ дѣйствительностью, какъ она была; въ походахъ Александръ присмотрѣлся къ людямъ, съ которыми онъ долженъ былъ дѣйствовать и не встрѣтивъ въ нихъ того, что онъ въ нихъ предполагалъ, онъ быстро въ нихъ разочаровался. По окончаніи

войны сотрудники стали удаляться отъ него; Новосильцевъ, Строгановъ уѣхали заграницу. Кочубей вышелъ изъ министерства; Чарторійскій покинулъ столицу и перенесъ свою дѣятельность въ Западный Край, ставъ попечителемъ виленскаго учебнаго округа. Съ удаленіемъ всѣхъ этихъ лицъ кончилось господство англомановъ. При Александрѣ является новое лицо, которое сообщаетъ нѣсколько новый характеръ возобновившейся преобразовательной дѣятельности императора — Сперанскій.

Ворвавшись со своими крѣпкими нервами въ вялое и разслабленное петербургское аристократическое общество, износившагося отъ дѣловаго бездѣлія, Сперанскій встревожилъ и напугалъ это общество, какъ струя свѣжаго воздуха, прокравшаяся въ закупоренную комнату больнаго человѣка, который привыкъ дышать атмосферой, наполненной благовоніемъ и міазмами. Понятно, какъ такой умъ долженъ былъ отнестись къ русской государственной дѣятельности. Вотъ почему существующій русскій порядокъ представлялся ему какъ совершенная политическая безсмыслица, которую не стоило поправлять, а нужно было просто устранить, замѣнивъ новымъ порядкомъ, построеннномъ по правиламъ логики. Такія начала внесъ Сперанскій въ ту работу, которую онъ велъ съ Александромъ по возвращеніи изъ заграницы. Этой работой былъ грандіозный проектъ преобразованій,

который обновлялъ бы весь политическій и соціальный строй Россіи. Проектъ этотъ былъ готовъ къ концу 1809 г., его не знали современники, не знаетъ его и наше поколѣніе; до насъ дошли отъ него лишь отрывки, сдѣланные современниками, обнародованные уже по окончаніи царствованія Александра. Проектъ этотъ предназначенъ былъ къ подробной обработкѣ; онъ излагалъ лишь общія начала, на которыхъ долженъ быть построенъ новый государственный порядокъ. Несмотря на то, что никогда не былъ осуществленъ, все же онъ представляетъ важное явленіе въ нашей политической исторіи.

Планъ, составленный Сперанскимъ государственнаго устройства не былъ его исключительнымъ дѣломъ. Александръ, возвратясь изъ заграницы передалъ своему статсъ-секретарю нѣкоторые матеріалы, оставшіеся отъ прежняго неоффиціальнаго комитета, сообщилъ ему также нѣкоторыя свои соображенія, такъ что самъ Сперанскій считалъ свой планъ только работой, которая привела въ порядокъ идеи императора. Нѣтъ сомнѣнія, что ему принадлежала система этого плана и общія основанія, на которыхъ онъ долженъ былъ быть построенъ. Это даетъ возможность предположить впечатлѣніе, какое произвела на императора положенная на его столъ тетрадь, которая содержала въ себѣ этотъ планъ. Работа эта была совершена въ удивительно короткое время. Начатая въ концѣ

1808 года, она была уже готова къ Октябрю 1809 и въ два слѣдующіе мѣсяца была уже просмотрѣна и исправлена государемъ; послѣдній, кажется былъ очень доволенъ этимъ трудомъ; это понятно: онъ увидѣлъ въ тетрадкѣ свои собственныя идеи, но такъ обработанныя, такъ убранныя, какъ онъ не предполагалъ возможнымъ сдѣлать самъ; онъ взглянулъ на планъ, какъ чадолюбивая мать смотритъ на свою дочь, убранную ловкимъ парикмахеромъ.

Прежде всего мы знаемъ только извлеченія изъ этого проекта, сдѣланныя, правда, очень умнымъ современникомъ Сперанскаго, хотя его и недолюбливавшимъ; то былъ извѣстный писатель, публицистъ своего времени Николай Тургеневъ, участвовавшій въ тайномъ обществѣ, но вышедшій изъ него раньше катастрофы 14-го декабря. Уѣхавъ заграницу, онъ не возвращался оттуда. Онъ читалъ планъ Сперанскаго и сдѣлалъ изъ него нѣсколько извлеченій, частью буквальныхъ, частью переложеній. Излагаемъ этотъ планъ только потому, что онъ никогда не осуществленный, представляетъ поучительный историческій документъ; онъ даетъ возможность наблюдать одно любопытное положеніе имѣвшее мѣсто въ нашей исторіи. Въ началѣ XIX вѣка русскій императоръ, пришедши въ отчаяніе отъ положеніе отечества, рѣшилъ водворить въ немъ порядокъ, основанный на законѣ. Любопытно, какъ онъ хотѣлъ это сдѣлать. Сперанскій обозначаетъ сущность своего плана:

„Разумъ, смыслъ сего плана“, писалъ онъ потомъ, состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ законовъ утвердить правительственную власть на твердыхъ основаніяхъ и тѣмъ сообщить ея дѣйствіямъ болѣе достойной и истинной силы.“ Онъ объясняетъ необходимость общаго преобразованія государственнаго устройства; необходимость создана историческими преданіями, практическими условіями; Сперанскій показываетъ въ краткомъ историческомъ очеркѣ, что уже съ царствованія Алексѣя Михайловича въ Россіи жили и развивались идеи государственнаго порядка, основаннаго на законѣ, проще говоря, конституціонныя идеи. Несмотря на уклоненія, Россія по его мнѣнію, всетаки шла къ свободѣ; раньше царствованія Алексѣя Михайловича, Сперанскій въ нашемъ темномъ прошедшемъ не ощущалъ подобныхъ идей; но законный порядокъ необходимъ и по современному положенію Россіи; потому что иначе жить нельзя; въ Россіи всѣ существующіе законы гражданскіе, уголовные — ничего не значущіе признаки, потому что нѣтъ законовъ политическихъ. Къ чему служитъ напр., законъ, обезпечивающій право собственности, когда самая собственность можетъ быть уничтожена произволомъ лица; или какъ можетъ распространиться просвѣщеніе, когда оно въ Россіи только вредно; зачѣмъ просвѣщать раба, когда просвѣщеніе еще горче дастъ ему почувствовать всю тяжесть его положенія; затѣмъ всѣ умы находятся въ тягостномъ неспокойствѣ,

отчего? Оттого, что отжившимъ существующій порядокъ, слѣдовательно, существующій порядокъ уже не соотвѣтствуетъ общественному мнѣнію. Сперанскій излагаетъ даже теоретическія основанія своего проекта, и выслушавъ ихъ, можно сейчасъ догадаться, изъ какого источника они заимствованы. Вотъ общія основы правильнаго законодательнаго государственнаго порядка: всякое правительство законно только тогда, когда оно основано на волѣ народа; каждое правительство дѣйствуетъ на извѣстныхъ условіяхъ и перестаетъ быть законнымъ, если ихъ не исполняетъ; условія эти выражены въ основныхъ законахъ страны, отсюда слѣдуетъ: такъ какъ источникъ всякой власти есть воля государства, страны, то основные законы могутъ быть только дѣломъ народа; цѣль основныхъ законовъ ставить въ извѣстные предѣлы дѣятельность верховной власти. Развивая отсюда подробности государственнаго порядка, Сперанскій говоритъ, что весь народъ не можетъ слѣдить за правильностью дѣйствія основныхъ законовъ; долженъ быть общій органъ наблюденія; такимъ органомъ можетъ быть только высшій классъ. Этотъ высшій классъ долженъ быть настолько образованъ, чтобы понимать сущность основныхъ законовъ и условія правильнаго дѣйствія власти; настолько независимъ, чтобы не боялся власти и настолько связанъ съ интересами народа, чтобы не покушался на его свободу. Очевидно, такимъ наблюдающимъ органомъ должна быть

политическая аристократія, пользующаяся своими полномочіями лишь по довѣренности народа. Сперанскій формулируетъ свои мысли извѣстной фразой Монтескье: нѣтъ знати, нѣтъ и монарха, т. е. монархъ безъ знати ть не можетъ. Какъ должна быть эта аристократія, чтобы дѣйствовать правильно? Стоя между властью и народомъ, не потакая первой и не угнетая вторую, она должна быть составлена изъ старшихъ сыновей извѣстныхъ фамилій, значеніе которыхъ держится на майоратѣ; кромѣ старшаго, всѣ остальные сыновья принадлежатъ къ народу. Итакъ вотъ правильно устроенное общество, какъ оно представлялось Сперанскому: свободный народъ, впереди его дѣйствующая по его довѣренности знать и во главѣ общества связанная основными законами верховная власть. Чтобы возможенъ былъ такой строй общества, должны быть уничтожены существующія сословія; что такое эти сословія? Классы общества, раздѣленные интересами, слѣдовательно, одинъ другому враждебные; на враждѣ классовъ и выростаетъ произволъ; слѣдовательно, чтобы не было произвола должно устранить вражду классовъ, т. е. объединить общество; первое условіе правильнаго государственнаго порядка и есть общественное объединеніе; безъ этого условія не возможенъ ни одинъ элементъ правильнаго общественнаго порядка; ни свободный народъ, ни пользующаяся его довѣріемъ аристократія, ни соблюдающая основные законы верховная власть. Съ высоты такого

идеала Сперанскій спускался въ русскую дѣйствительность и съ трудомъ сдерживаетъ въ себѣ презрительное чувство; только чуть слышна въ немъ звучащая патріотическая нотка, которая смягчаетъ горечь изложенія этой части проекта. Въ Россіи нѣтъ ничего; есть законы, но они ничѣмъ не обезпечены, есть сословныя грамоты, но онѣ ничего не значатъ, ибо въ Россіи нѣтъ сословій, а есть два класса рабовъ, одни — рабы верховной власти, а другіе рабы этихъ рабовъ, т. е. дворяне и крѣпостные. Эти два класса непримиримо разъединены между собой и на непримиримости ихъ интересовъ держится абсолютная власть. Интересы дворянства — держать въ повиновеніи крестьянъ, интересы крестьянъ — чтобы дворяне были рабами короны; такимъ оразомъ обоюдный интересъ — общее рабство. Этотъ обоюдный интересъ производитъ общую летаргію, убиваетъ народную энергію; при такомъ порядкѣ народъ въ 1000 лѣтъ не сдѣлаетъ шагу впередъ. Итакъ въ Россіи нѣтъ ни закона, ни народа, нѣтъ и монархіи, ибо абсолютная власть не монархія, а произволъ. „Всего меньше,“ добавляетъ Сперанскій съ удареніемъ, „въ Россіи истинной монархіи“; подъ монархіей тогда разумѣлось ограниченное единодержавіе. Итакъ, съ чего надо начинать преобразованіе государственнаго порядка въ Россіи? Съ кореннаго источника, изъ котораго вытекаютъ всѣ неправильности существующаго порядка, т. е. съ устраненія общественнаго разъединенія, вражды общественныхъ

интересовъ; эта вражда общественныхъ интересовъ имѣетъ свой корень въ крѣпостномъ правѣ. Итакъ, всякая реформа въ Россіи, расчитанная на успѣхъ и искренная должна начаться съ преобразованія соціальныхъ отношеній. Трудно удержаться при этомъ, чтобы не замѣтить, что первый разъ такъ просто и рѣзко былъ поставленъ этотъ вопросъ въ исторіи политическаго сознанія Россіи. Прежде реформъ конституціи начинали сверху, съ преобразованія того, другого третьяго учрежденія и рѣдко спускались въ полетѣ своихъ преобразовательныхъ мыслей ниже столицы; Сперанскій первый взглянулъ на дѣло снизу, т. е. съ корней. Итакъ первая задача преобразователя — устроить правильныя, на законѣ основанныя отношенія сословій. Довольно трудно сказать, какъ у Сперанскаго построенъ былъ планъ освобожденія крестьянъ. Въ томъ, что мы знаемъ, планъ этотъ является очень неудовлетворительнымъ. Освобожденіе крестьянъ должно было совершиться въ два пріема: прежде всего должны быть точно опредѣлены повинности крестьянъ въ пользу землевладѣльцевъ; для регулированія отношеній обоихъ классовъ должны быть учреждены особые суды, которые бы разбирали столкновенія крестьянъ съ землевладѣльцами. Потомъ постепенно долженъ быть возстановленъ свободный переходъ крестьянъ, существовавшій въ XVI вѣкѣ. Подробности того и другого пріема не развиты въ доставшимся намъ извлеченіи. Если планъ

переданъ полно и вѣрно, то Сперанскій думалъ о безземельномъ освобожденіи крестьянъ, но это освобожденіе представлялось ему возможнымъ только въ далекомъ будущемъ; проектируемый имъ государственный порядокъ долженъ быть водворенъ раньше минуты, когда станетъ возможенъ этотъ фактъ. Какъ же спрашивается, конструируетъ Сперанскій общество при крѣпостномъ правѣ? Онъ дѣлитъ общество на три класса, которые довольно трудно согласить съ его общимъ, теоретическимъ соціальнымъ строеніемъ. Общество русское должно состоять изъ трехъ сословій: изъ дворянъ, изъ средняго сословія и изъ рабочаго класса. Дворянство пользуется своими землевладѣльческими правами, хотя на основаніи закона, т. е. продолжаетъ править прикрѣпленными къ землѣ крестьянами, но оно обязано службой; Сперанскій возстановляетъ обязательную службу для дворянства; каждый дворянинъ обязанъ служить въ арміи, или на гражданскомъ поприщѣ не менѣе десяти лѣтъ. Среднее сословіе состоитъ изъ свободныхъ классовъ, непринадлежащихъ къ дворянству; это купцы, мѣщане и государственные крестьяне; это среднее сословіе можетъ даже проникать въ составъ дворянства, пріобрѣтая напр. земельную собственность. Рабочій классъ состоитъ изъ несвободныхъ крѣпостныхъ крестьянъ, слугъ и мелкихъ ремесленниковъ, которые не могутъ пользоваться политическими правами наравнѣ съ двумя высшими классами. Куда же дѣвалась на-

блюдающая аристократія, и думалъ ли Сперанскій создать ее изъ русскихъ общественныхъ элементовъ? У него есть проектъ созданія такой аристократіи и очень характерный; онъ предлагалъ взять табель о рангахъ, да списокъ всѣхъ сановниковъ 14 классовъ, затѣмъ провести пальцемъ подъ 4-мъ классомъ и то, что окажется сверху зачислить въ аристократію: онъ съ горемъ замѣчаетъ, что попадетъ много негодныхъ людей, которые ничего не понимаютъ, ничѣмъ не докажутъ государству своего права на это положеніе, но что же дѣлать? Наличное поколѣніе авось когда нибудь вымретъ и его смѣнитъ болѣе подготовленное къ дѣлу потомство. Много скрытой грусти звучитъ въ этихъ строкахъ Сперанскаго. Впрочемъ эта аристократія первыхъ четырехъ классовъ осталась какъ то одинокой въ проектѣ Сперанскаго, ни къ чему не пріуроченной; можетъ быть впрочемъ это объясняется не полнотой извлеченія, а не неполнотой постройки. Такимъ расчлененнымъ обществомъ должна была управлять цѣлая сѣть новыхъ учрежденій; всѣ эти учрежденія земскаго характера, избирательныя; они обхватываютъ общество сверху до низу, отъ государева кабинета до волостнаго правленія. Россія раздѣлена на губерніи, уѣзды и волости; въ каждой волости земельные собственники, къ которымъ причислялись и казенные крестьяне, собираются разъ въ три года и составляютъ волостную думу; волостная дума избираетъ изъ своей среды членовъ волостнаго правле-

нія, провѣряетъ волостные доходы и расходы и избираетъ депутатовъ въ уѣздную думу. Расходясь, дума оставляетъ послѣ себя постоянно дѣйствующее волостное правленіе съ исполнительной властью. Итакъ волостная дума — это волостной сходъ, волостное правленіе — исполнительная управа. Разъ въ три года, стало послѣ того, какъ разойдутся волостныя думы, собирается уѣздное земское собраніе; оно состоитъ изъ депутатовъ, выбранныхъ волостными думами; оно избираетъ членовъ уѣзднаго правленія или совѣта членовъ уѣзднаго суда и депутатовъ въ губернскую думу. Также устроены губернская дума и губернское собраніе, которое, контролируя доходы и расходы губерніи, выбираетъ членовъ губернскаго совѣта, губернскаго суда и наконецъ депутатовъ въ государственную думу. Государственная дума собирается сама собой въ извѣстный срокъ, безъ особаго призыва; она состоитъ изъ депутатовъ губернской думы, число которыхъ опредѣляется закономъ. Государственная дума — учрежденіе; право предложенія закона въ этой думѣ принадлежитъ министерству, т. е. комитету министровъ; каждый законъ утверждается государемъ, впрочемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ государственная дума пользуется правомъ иниціативы: такъ она можетъ привлечь къ отвѣтственности министра, нарушающаго законъ. Дума распускается, засѣданія отсрочиваются по рѣшенію государственнаго совѣта. Государственный Совѣтъ — высшее учрежденіе, хра-

нящее законы; кажется туда преполагалъ Сперанскій помѣстить своихъ аристократическихъ маіоровъ, т. е. старшихъ сыновей; въ такомъ случаѣ государственный совѣтъ — палата лордовъ. Во главѣ судебнаго строя, который начинается волостными судами съ характеромъ мировыхъ учрежденій и развивается рядъ инстанцій, какими были суды уѣздные и губернскіе; во главѣ этого строя стоитъ Сенатъ, блюстительне закона, а законнаго порядка въ дѣлопроизводствѣ, т. е. судопроизводства; при немъ въ качествѣ высшаго прокурора стоитъ министръ юстиціи. Вотъ весь планъ Сперанскаго, поскольку мы его знаемъ. Этотъ планъ производитъ различное впечатлѣніе на разныя мгновенія его изученія; при первомъ чтеніи онъ поражаетъ необычайной смѣлостью и колоссальностью; мысли, встрѣчаемыя въ немъ даже въ томъ разорванномъ видѣ, въ какомъ мы его читаемъ, врѣзываются въ память; мы не ошибемся, если скажемъ, что за весь XVIII и XIX вѣкъ всѣми русскими публицистами не было сказано и сотой доли того умнаго, что сказалъ во всемъ этомъ проектѣ о положеніи Россіи и исторіи переустройства ея Сперанскій. Но если не было сказано столько умнаго за то не было сказано и столько печальнаго. Проектъ Сперанскаго поражаетъ своей умственностью, вотъ почему любопытно имѣть хотя смутное извѣстіе о томъ впечатлѣніи, которое произвело его чтеніе на Александра; никогда никто не говорилъ государю такъ прямо и от-

кровенно. Потомъ вчитываясь въ проектъ, мы получаемъ другое впечатлѣніе: мы узнаемъ его элементы, лучше сказать его источники. То были: 1) политическія идеи, 2) консульская французская конституція или конституція XVIII вѣка, изъ которой взяты многія черты плана, напр. вся эта іерарія думъ какъ и строй высшихъ учрежденій. Наконецъ источникомъ была и русская дѣйствительность; Сперанскій сообразовалъ свои отвлеченныя построенія съ существующими отношеніями, и когда представишь себѣ все разнообразіе этихъ источниковъ, то становится жаль Сперанскаго. Таково двойственное впечатлѣніе или лучше сказать, таковы два впечатлѣнія, которыя послѣдовательно переживаешь, изучая этотъ планъ.

Планъ Сперанскаго никогда не былъ осуществленъ въ полномъ его размѣрѣ, однако онъ не прошелъ совершенно безслѣдно для самого автора его: онъ вооружилъ противъ него общество, не самъ собой, а нѣкоторыми частями его, получившими практическое примѣненіе; согласно съ планами въ 1809 г. изданы были два мелкіе, но надѣлавшіе большого шума закона: второго апрѣля и шестого декабря. Законъ второго апрѣля направленъ былъ противъ придворныхъ чиновъ; при дворѣ въ званіи камергеровъ, камеръ-юнкеровъ состояли люди, которые не занимали никакихъ дѣйствительныхъ должностей, между тѣмъ пользовались разными правами этой службы. Императоръ звалъ этихъ

сановниковъ дворцовыми полотерами. Законъ 1809 г., сохранивъ эти занятія, лишилъ ихъ сопряженныхъ съ ними преимуществъ, если облеченные ими люди не занимали дѣйствительной должности; придворныя званія остались теперь почетными отличіями, не дававшими никакихъ правъ и только. Понятно чувство, съ какимъ отнеслась придворная среда къ Сперанскому, который считался авторомъ закона. Законъ шестого Декабря направленъ былъ противъ самихъ чиновниковъ. Въ Россіи уже существовало нѣсколько университетовъ, но стѣны ихъ аудиторій были довольно пусты за ненадобностью, ибо движеніе при службѣ совершалось быстро и безъ университетскаго образованія. Сперанскій, справедливо находя, что университеты эти не учреждены для забавы, что спеціальное образованіе, какое должны были получать учащіеся въ университетѣ, необходимо государству, выработалъ законъ, въ силу котораго извѣстные чины, именно восьмого и пятого класса, могутъ быть получаемы только тѣми, кто имѣетъ университетскій дипломъ, или тѣмъ, кто выдержитъ установленный, соотвѣтственно университетскому, экзаменъ. Много почтенныхъ стариковъ, которые уже постучались въ двери статскаго совѣтника, остались ни при чемъ навѣки, ибо не имѣли университетскаго диплома и не могли имѣть надежды выдержать экзаменъ, тѣмъ болѣе, что программа экзамена была довольно сложная. И такъ придворная и чиновничья среда, двѣ могуще-

ственныя силы въ столицѣ, были вооружены противъ Сперанскаго и самъ государь, потерялъ къ нему довѣріе; трудно объяснить ходъ перемѣны, происшедшей въ его отношеніяхъ къ государственному секретарю; ни онъ самъ, ни Сперанскій потомъ никогда не объяснили того, что случилось между ними. Можно составить предположеніе, что Александръ, обдумавъ прочитанный имъ планъ, самъ испугался той минуты, когда онъ пытался его исполнить. Наконецъ противъ Сперанскаго возстало общественное мнѣніе, т. е. большое общество. Виной тому были его финансовыя мѣры. Сперанскому Александръ поручилъ устройство финансоваго хозяйства, и онъ долженъ былъ устроить его изъ самыхъ безнадежныхъ элементовъ. Приближалась огромная война, бюджетъ былъ поколебленъ прежними войнами. Положеніе дѣлъ въ 1811 году было таково: ассигнацій въ обращеніи было 577 милліоновъ; внѣшняго долга больше 100 милліоновъ; государственный доходъ вычисленъ былъ на 1812 г. въ размѣрѣ 197 милліоновъ; для покрытія текущихъ расходовъ не доставало 66 милліоновъ; курсъ рубля былъ 33 коп. Сперанскому поручено было возстановить равновѣсіе въ этомъ бюджетѣ; изъ чего? Онъ предложилъ, что могъ, т. е. возвышеніе прямыхъ налоговъ и косвенныхъ, подушная подать была возвышена съ рубля на два, а потомъ на три; оброкъ съ государственныхъ крестьянъ съ двухъ до трехъ; подушная подать съ мѣщанъ до пяти рублей;

сборъ съ купеческаго капитала до трехъ процентовъ. Въ виду расходовъ, какіе потребуетъ предстоящая война, эти налоги были еще временно возвышены. Все платящее и возстало на Сперанскаго. Едва ли справедливы тѣ слухи, которые говорили о томъ, будто Сперанскій находился въ сношеніяхъ съ французами, о какихъ то бумагахъ, которыя онъ пересылалъ Наполеону и т. д. Въ началѣ 12 года Сперанскій, давно не ходившій къ императору, былъ призванъ къ нему. Сдѣлавъ ему свой докладъ Сперанскій хотѣлъ уходить, императоръ удержалъ его и неожиданно сталъ упрекать его въ своеволіи, съ какимъ онъ бралъ къ себѣ нѣкоторыя государственныя бумаги, въ посягательствѣ на нѣкоторыя вѣковыя русскія учрежденія, напр. на Сенатъ, созданный Петромъ и т. п. Затѣмъ онъ отпустилъ его, замѣтивъ, что онъ передастъ его должность другимъ. Когда Сперанскій воротился домой, онъ встрѣтилъ министра юстиціи Балашева, который приготовилъ ему кибитку и Сперанскій, не простившись съ дочерью, отправленъ былъ въ Казань, потомъ былъ назначенъ въ Пермь, а далѣе губернаторомъ въ Сибирь. Насталъ новый перерывъ во внутренней преобразовательной дѣятельности Александра.

Это былъ рядъ лѣтъ, полныхъ шумныхъ успѣховъ на военномъ и дипломатическомъ поприщахъ. Россія подверглась нашествію врага; прогнавъ его и идя по его стопамъ, принявшись освобождать одно за другимъ

разныя государства Европы отъ французскаго ига, русская армія прошла почти до самого западнаго края Европы, водворила тамъ законный порядокъ, собрала развѣнченныхъ государей и усадила ихъ на покинутыхъ престолахъ, дала имъ въ руки конституціонныя хартіи и разутая, и голодная, и раздѣтая воротилась домой. Съ 1815 года, когда кончились эти шумныя событія, императоръ вернулся изъ заграницы, чтобы продолжать прерванныя внутреннія работы; но эти работы получили иное направленіе, такъ какъ государь воротился съ похода совсѣмъ иной, не похожій на того, какимъ онъ началъ свою дѣятельность.

Внѣшнія дѣла 1812—1815 г.г. оказали могущественное вліяніе на ходъ внутреннихъ дѣлъ; рѣдко даже, когда внѣшняя политика такъ измѣняла направленіе внутренней жизни въ Россіи, можетъ быть потому, что она рѣдко переживала такія событія, какія испытывала въ тѣ годы. Событія эти очень неодинаково дѣйствовали на русское общество и на русское правительство. Въ первомъ они вызывали необыкновенное политическое и нравственное возбужденіе. Высшіе руководители общества, т. е. военно-гражданскіе расположены были къ самымъ широкимъ ожиданіямъ, надѣялись теперь, что правительство не только продолжитъ, но и расширитъ свою прежнюю программу, а между тѣмъ правительство не расположено было проводить и прежней программы. На немъ отразилось то

настроеніе, съ которымъ вышелъ изъ пережитыхъ опасностей его глава. Императоръ Александръ очень, очень утомился въ эти годы; быстрая смѣна побѣдъ и пораженій нарушило въ немъ прежнее нравственное равновѣсіе. Не даромъ онъ въ 1814 г., возвращаясь изъ заграницы, привезъ домой сѣдые волосы. Пережитыя событія поселили въ правительствѣ чувство утомленія, охлажденія къ энергичной внутренней дѣятельности, даже нѣкоторое разочарованіе въ прежнихъ политическихъ идеалахъ; къ тому же ходъ внѣшнихъ событій поставилъ его въ упорную борьбу съ послѣдствіями французской революціи, волей неволей сдѣлалъ его представителемъ консерватизма въ международныхъ отношеніяхъ, возстановителемъ и охранителемъ законнаго порядка, основаннаго на преданіи старины. Это охранительное направленіе изъ внѣшней политики необходимо переносилось и на внутреннюю; нельзя же было на самомъ дѣлѣ одной рукой заграницей поддерживать консервативныя начала, а дома продолжать преобразовательную, революціонную, какъ говорили тогда, дѣятельность. Какъ бы отвѣчая на измѣнившееся положеніе дѣлъ, правительство слабо продолжало дѣятельность прежняго направленія; да и эта ослабленная дѣятельность сосредоточивалась не на коренныхъ областяхъ Россіи, а на окраинахъ, находящихся ближе къ Западной Европѣ; очевидно, путь тяготѣнія внутренней политики также перемѣстился ближе къ западно-

русской границѣ. Слабый отблескъ прежняго
ленія сказывался въ мѣрахъ правительства,
лихся царства Польскаго и Остзейскихъ провин

Основатель политическаго Союза, извѣстнаг
именемъ Священнаго, т. е. религіозно-политич
консерватизма въ международной политикѣ, съ ка
годомъ все болѣе убѣждался, какъ шатки основа
которыхъ тогда держался европейскій политичес
рядокъ: то тамъ, то здѣсь прорывались сп
народы не хотѣли мирно сидѣть на мѣстахъ, на
рыхъ ихъ усадилъ вѣнскій конгресъ. Въ 181
германскіе студенты производятъ безпорядки и
нуютъ на Вартбургѣ 300 лѣтній юбилей рефор
Они надѣлали много юношескихъ выходокъ,
взглянули руководители германской политики
чайно серіозно, т. е. говоря проще, трусливо.
годахъ произошла революція въ Испаніи, котор
звалась движеніями на Аппенинскомъ полуостро
Неаполѣ, Клермонтѣ. Въ 1827 г. возстали гре
тивъ турокъ. Зданіе Вѣнскаго конгресса развал
съ разныхъ сторонъ; по мѣрѣ того, какъ усил
на Западѣ волненія, возникали опасенія под
явленій въ Россіи. Съ этого времени получает

турѣ и народному образованію, т. е. школамъ создана была новая организація надзора за печатью, не столько угнетающая тогдашнюю россійскую словесность, сколько обогатившая нашъ и безъ того богатый запасъ россійскихъ политическихъ анекдотовъ.

Когда возникъ вопросъ о пріисканіи старшему сыну Павла жены, Екатерина призвала въ Петербургъ двухъ принцессъ Баденъ-Дурлахъ, тетка которыхъ была первой женой Павла. Въ концѣ 1792 года принцессы эти прибыли къ императорскому дворцу и остановились во дворцѣ покойнаго Потемкина, гдѣ онѣ были приняты Екатериной сообща съ ея тогдашней „пробирдамой". Старшая изъ нихъ понравилась Александру, и 9-го Октября 1793 года была отпразднована свадьба съ необычной даже для того времени помпой.

На молодого великаго князя и его супругу возлагались самыя пышныя надежды. Ему тогда исполнилось 16, ей 15 лѣтъ. Великая княгиня Елизавета была „прекрасна, благороднаго и тонкаго роста, элегантныхъ и чистыхъ нравовъ, обладала умомъ и талантомъ, а также изысканнымъ вкусомъ; характеръ у ней былъ добродушный, скромный и полный преданности". Таковы были отзывы о молодой супругѣ будущаго императора. Что же касается великаго князя Александра, то графъ Делагардъ въ своихъ воспоминаніяхъ о вѣн-

скомъ конгрессѣ отзывается о немъ слѣдующимъ образомъ: „Въ немъ почти осуществляется идеалъ, восхищавшій насъ въ Телемахѣ, но хотя мать его и обладаетъ всѣми качествами Пенелопы, отецъ его далеко не былъ Одиссемъ, и не Менторъ руководилъ его воспитаніемъ. Александръ имѣетъ благородныя убѣжденія, правильное сужденіе о вещахъ, острый умъ. Сердце его отъ природы открытое и безъ фальши.“ Въ 1791 году Потемкинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Екатеринѣ пишетъ объ Александрѣ: „Онъ ангелъ, онъ принцъ моего сердца, рожденный и воспитанный для блага государства.

Великій князь Александръ Павловичъ былъ любимцемъ Екатерины II и императрица мечтала даже о томъ, чтобы престолъ перешелъ послѣ ея смерти непосредственно къ нему, минуя Павла. Тѣмъ не менѣе Александръ обрадовался смерти бабки ничуть не меньше Павла. Онъ былъ доволенъ, что „ему впредь не придется слушаться старой бабы.“ Судьба его въ качествѣ наслѣдника престола была лучше, нежели положеніе Павла при жизни старой императрицы. Отъ отца своего Александръ получалъ пенсію въ размѣрѣ 500 000 рублей въ годъ; кромѣ того великой княгинѣ было ассигновано ежегодно отдѣльно 150 000 рублей. Павелъ назначилъ своего сына шефомъ втораго гвардейскаго полка и генеральнымъ инспекторомъ арміи, начальникомъ „канцеляріи войны и флота“, главнымъ

директоромъ полиціи имперіи и президентомъ сената... Но вся эта роскошь длилась не долго. Подозрительность Павла преслѣдовала сына на каждомъ шагу. Любимцы императора обращались къ наслѣдникомъ свысока. Александръ не смѣлъ замолвить ни слова для лицъ которыхъ онъ желалъ протежировать; подобное заступничество послужило бы вѣрной гибелью для нихъ.

Александръ первый, благословенный, былъ чрезвычайно слабаго характера. Онъ не обладалъ достаточной силой воли для того, чтобы отстранить отъ себя людей сомнительныхъ, которымъ со временемъ удалось получить власть надъ нимъ.

Въ концѣ концовъ имъ окончательно овладѣлъ піэтизмъ; и какъ это не странно, то была протестантская женщина, которой удалось плѣнить православнаго царя въ узахъ религіознаго мистицизма. Внезапная смерть Павла на всю жизнь испугала Александра, и воспоминаніе объ этой смерти настолько сильно и въ продолженіе всей жизни вліяла на него и мучила его, что одно время многіе были убѣждены въ томъ, что эта смерть не обошлась безъ участія Александра... Спасеніе отъ этихъ ужасныхъ воспоминаній Александръ находилъ въ мистеріяхъ религіознаго мистицизма, всѣ добрые начинанія, которыя онъ имѣлъ въ виду для блага своей родины были забыты, всѣ идеалы его полиняли и земныя желанія его исчезли...

То была мечтательница, баронесса Крюденеръ, которая послѣ бурно проведенной молодости бросилась въ объятія піэтизма; въ бурныя времена начала нашего столѣтія она пріобрѣла на своихъ современниковъ, даже на самыхъ высокопоставленныхъ такое сильное вліяніе, которое въ настоящее время кажется намъ необъяснимымъ. Императоръ Александръ совершенно отдался и подчинился этой женщины, и вліяніе ея на него было столь сильно, что всѣ свои рѣшенія, даже государственнаго характера, онъ принималъ лишь послѣ молитвъ.

И въ то время, какъ Александръ отдался піэтизму, управленіе государствомъ все цѣло было предоставлено такимъ любимцамъ его, какъ Аракчеевъ. И хуже всего было то, что этотъ самый Аракчеевъ былъ совершенно несамостоятельнымъ человѣкомъ, а куклой въ рукахъ его многочисленныхъ любовницъ, передъ которыми однако унижались самы высокопоставленныя лица имперіи.

Точно такимъ какъ его отношеніе къ государству было и отношеніе Александра къ его супругѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ. Въ началѣ казалось, что бракъ этотъ будетъ изъ счастливыхъ. Но непостоянство и потребность въ страстной любви потянули наконецъ Александра къ другимъ женщинамъ, такъ что въ концѣ концовъ оба супруга жили совершенно отдѣльной и даже уединенной жизнью. Любовныя похожденія Александра

были чрезвычайно многочисленны, и въ чувствахъ своихъ онъ былъ весьма непостояненъ. Но наконецъ его плѣнила одна женщина настолько сильно, что онъ остался ей вѣренъ въ продолженіи всей жизни. То была жена друга молодости Александра, Дмитрія Нарышкина. Нѣкоторое время серіозную конкурренцію Нарышкиной дѣлала графиня Бобринская, и изъ этой связи Александра происходитъ польскій родъ Варпаховскихъ. Но въ концѣ концовъ побѣдила Нарышкина надъ всѣми остальными соперницами.

Марія Антоновна Нарышкина была отъ рожденія полькой, дочерью князя Четверинскаго, который въ 1794 г. былъ во время варшавскихъ бунтовъ повѣшенъ народомъ. Еще очень молодой дѣвицей ее выдали замужъ за любимца Александра I, за Дмитрія Нарышкина. Какъ только государь увидѣлъ ее въ первый разъ, онъ смертельно влюбился и немедленно добился успѣха у Нарышкиной. Говорятъ, что въ одинъ прекрасный день, когда императоръ былъ въ отличномъ расположеніи духа, онъ назначилъ Нарышкина оберъ-іегермейстеромъ со словами обращенными къ супругѣ обманутаго мужа: „Такъ какъ я ему поставилъ рога, то пусть же онъ теперь завѣдуетъ оленями“.

Результатомъ этой связи было трое дѣтей, изъ которыхъ царь безумно любилъ дочь Софію. Дѣти всѣ назывались Нарышкинами, несмотря на то, что мужъ Маріи Антоновны отлично зналъ, что не онъ ихъ отецъ.

Въ своихъ воспоминаніяхъ о вѣнскомъ конгрессѣ повѣствуетъ графъ Делагардъ, что самъ Дмитрій Нарышкинъ отвѣтилъ императору Алексардру на вопросъ его: „какъ поживаетъ твоя дочь Софія?“ „Но Ваше величество, вѣдь она вовсе не моя дочь, а Ваша . . .“ Въ другой разъ царъ освѣдомился у своего любимца о женѣ его и его дѣтяхъ. Нарышкинъ цинично отвѣтилъ: „О какихъ дѣтяхъ Ваше императорское величество справляются? О моихъ или о Вашихъ?“

Софію Нарышкину, которую императоръ впослѣдствіе узаконилъ и возвелъ въ достоинство графини Романовой, постигла трагическая участь; она была такой же красавицей какъ и ея мать; но она была слабаго здоровія и умерла 17 лѣтъ отъ роду наканунѣ дня назначеннаго для ея свадьбы съ графомъ Андреемъ Шуваловымъ. Эммануилъ Нарышкинъ, также сынъ Александра I, умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, занимая должность оберъ-гофмаршала императора Николая II.

Нарышкина, однако не оставалась вѣрной своему царскому любовнику, и обманывала мужа и Александра поочередно съ княземъ Гагаринымъ, который за это былъ высланъ заграницу, и съ адъютантомъ Александра, съ графомъ Адамомъ Ояровскимъ. Однажды Александръ пожелалъ посѣтить Нарышкину на ея дачѣ въ Петергофѣ; пріѣздъ его тамъ вызвалъ цѣлый переполохъ; царь увидѣлъ, какъ адъютантъ его искалъ спасенія въ платянномъ шкапу. Царь былъ пораженъ и обратился

къ своему адъютанту со словами: „Ты похитилъ у меня самое дорогое. Тѣмъ не менѣе съ тобой я обращусь и дальше какъ съ другомъ. Твой стыдъ будетъ моей местью.“ И дѣйствительно Александръ простилъ своего адъютанта, который не только остался въ занимаемой имъ должности, но и достигъ очень высокихъ ступеней служебной лѣстницы. Нарышкина же окончательно проиграла свою партію и не смѣла больше показываться на глаза императору. Послѣ смерти ея мужа и императора она выѣхала въ Германію, поселилась въ Тегернзее близъ Мюнхена, и умерла тамъ въ 1854 году.

Послѣ разрыва съ Нарышкиной Александръ снова зажилъ съ супругой своей Елизаветой Алексѣевной, и слѣдуетъ лишь удивляться той любви и самоотверженности на которую была способна императрица, съ которой она приняла легкомысленнаго и заставлявшаго ее такъ много перестрадать, супруга. Но уже было поздно, время счастья и супружеской любви было отмѣрено чрезвычайно скупо. 21 ноября 1825 года уже умеръ Александръ въ Таганрогѣ и черезъ нѣсколько недѣль, на пути слѣдованія его останковъ въ Петербургъ, сопровождая тѣло своего супруга, скончилась въ городкѣ Бѣловѣ.

Во время одного изъ путешествій по югу Россіи скончался Александръ Благословенный въ Таганрогѣ.

Относительно этой смерти не замедлила образоваться легенда о томъ, что царь вовсе не скончался, а что вмѣсто него положенъ въ гробъ другой трупъ, обыкновеннаго смертнаго. Русская исторія полна о такихъ легендахъ, полна самозванцами и полна вѣрой въ несуществующіе самозванцы. Не даромъ же слово „самозванецъ“ почти что не переводимо ни на одинъ изъ иностранныхъ языковъ. По поводу легенды о томъ, что Александръ вовсе не умеръ, а отправился въ Сибирь въ качествѣ отшельника, не стоило бы останавливаться, если бы легенда эта не была одно время чрезвычайно распространена въ русскомъ обществѣ, и не послужила бы даже предметомъ серіознаго историческаго труда, принадлежащаго перу великаго князя Георгія Михаиловича, который въ своемъ изслѣдованіи окончательно опровергъ эту басню. Помимо любви нашего народа къ чудеснымъ сказаніямъ о смерти русскихъ царей, сказаніе о долгой отшельнической жизни Александра объясняется и тѣмъ мистически-религіознымъ настроеніемъ, въ которомъ государь этотъ пребывалъ во второй половинѣ своего царствованія, въ особенности послѣ знакомства и долгой связи его съ баронессой Крюденеръ.

Боже, если подумать на какой путь хотѣлъ и могъ этотъ государь, необладавшій никакими государственными способностями, а лишь доступный всему хорошему, поставить нашу родину; и что сдѣлалъ онъ изъ

всего того? Угнетенную и разслабленную онъ передалъ ее на изнасилованіе брату своему Николаю... грубому коронованному фельдфебелю, имя котораго теперь еще наводитъ ужасъ на всю свободолюбивую Россію.

Марокъ

Томъ IV. **Петръ III,** его дурачества, любовныя похожденія и кончина . 2,—
„ VII. **Екатерина II,** ея происхожденіе, интимная жизнь и политика . . 2,—
„ VIII. **Павелъ I,** его семейная жизнь, фавориты и убійство . . . . 2,—
„ X. **Николай I,** его личность, интимная жизнь и правленіе . . . 2,—
„ XI. **Александръ II,** его личность, интимная жизнь и правленіе . . 2,—
„ XII. **Александръ III,** . . . . . 2,—
„ XIII. **Николай II,** его личность, интимная жизнь и правленіе . . 2,—

А. Бебель, Женщина настоящаго, прошедшаго и будущаго времени . . . . . 3,—

Въ этой книгѣ знаменитаго вождя соціалистовъ обстоятельно обсуждается женскій вопросъ, имѣющій столь крупное значеніе для нормальнаго развитія современнаго общества. Авторъ такъ умѣло написалъ свою книгу, что она въ самый непродолжительный срокъ выдержала на нѣмецкомъ языкѣ 30 изданій.

Мысли о Финляндіи . . . . . —,80
Болѣзнь Александра III. . . . . . 1,—
Антонъ Горемыка. Князь Потемкинъ Таврическій . . . . . 1,—
Проѣзжій. Господа черносотенцы . . . . 1,—
Вильгельмъ Райнеръ, „Дарованная“ конституція и контръ-революція . . . . . 2,—
М. И. Грантъ, графъ Витте вчера и сегодня . 1,20
Вертеръ. Очерки изъ русской революціи, разсказы, эпизоды, наброски съ натуры . 1,—
Н. Новиковъ. Армія и политика . . . . . 1,—

Продаются слѣдующіе томы:

Томъ III. *Елизавета Петровна,* ея любовныя похожденія.

„ IV. *Петръ III,* его дурачества и любовныя похожденія.

„ VII. *Екатерина II,* ея происхожденіе и интимная жизнь.

„ VIII. *Павелъ I,* его семейная жизнь, фавориты и убійство.

„ XI. *Александръ II,* его интимная жизнь и правленіе.

„ XII. *Александръ III,* его интимная жизнь и правленіе.

Марокъ

Томъ IV. **Петръ III,** его дурачества, любовныя похожденія и кончина . 2,—
„ VII. **Екатерина II,** ея происхожденіе, интимная жизнь и политика . . 2,—
„ VIII. **Павелъ I,** его семейная жизнь, фавориты и убійство . . . . 2,—
„ X. **Николай I,** его личность, интимная жизнь и правленіе . . . 2,—
„ XI. **Александръ II,** его личность, интимная жизнь и правленіе . . 2,—
„ XII. **Александръ III,** . . . . . 2,—
„ XIII. **Николай II,** его личность, интимная жизнь и правленіе . . 2,—

А. Бебель, Женщина настоящаго, прошедшаго и будущаго времени . . . . . 3,—

Въ этой книгѣ знаменитаго вождя соціалистовъ обстоятельно обсуждается женскій вопросъ, имѣющій столь крупное значеніе для нормальнаго развитія современнаго общества. Авторъ такъ умѣло написалъ свою книгу, что она въ самый непродолжительный срокъ выдержала на нѣмецкомъ языкѣ 30 изданій.

Мысли о Финляндіи . . . . . —,80

Болѣзнь Александра III. . . . . . 1,—

Антонъ Горемыка. Князь Потемкинъ Таврическій . . . . . 1,—

Проѣзжій. Господа черносотенцы . . . . 1,—

Вильгельмъ Райнеръ, „Дарованная“ конституція и контръ-революція . . . . . 2,—

М. И. Грантъ, графъ Витте вчера и сегодня . 1,20

Вертеръ. Очерки изъ русской революціи, разсказы, эпизоды, наброски съ натуры . 1,—

Н. Новиковъ. Армія и политика . . . . . 1,—

Продаются слѣдующіе томы:

Томъ III. *Елизавета Петровна,* ея любовныя похожденія.

„ IV. *Петръ III,* его дурачества и любовныя похожденія.

„ VII. *Екатерина II,* ея происхожденіе и интимная жизнь.

„ VIII. *Павелъ I,* его семейная жизнь, фавориты и убійство.

„ XI. *Александръ II,* его интимная жизнь и правленіе.

„ XII. *Александръ III,* его интимная жизнь и правленіе.